

Евгений Плоткин

Гриб - баран

ГРИБ – БАРАН

Сколько раз я ходил за грибами!.. Начал я рано – в два года, даже раньше, чем Моцарт стал писать музыку. Раз двадцать за сезон выходов в лес – это минимум; значит, получится тысяча. Или две. Две тысячи лесов, две тысячи ожиданий, много тысяч разочарований, вдвое больше удач, миллион страстей, снов, туманов, дождей. И все – какие-то грибочки, тихая охота, пища, в конце концов.

Иван ходил за грибами не меньше моего, за ним целые легионы собранных грибов и пройденных лесных тропинок. Но гриб-баран ни ему, ни мне не встретился ни разу.

Когда-то нас познакомила и подружила другая страсть – камни. Я принес Ивану кусочек флюорита, спросил: можно ли его – на кабошон. Иван увидел камень – и улыбнулся, хотя аура у него была жесткая и колючая. Но вот улыбнулся же, а я почувствовал – сделает он кабошон. А это – мечта, и я тоже нервно улыбнулся, ведь мечта все же. Так мы и познакомились. Камень – опасная штука, вяжет-притягивает, если уж есть чувство камня – значит, из одной мутации, и магнетит при встрече – жуткое дело.

Иван создал в шестидесятых целый мир. Не сознавая, конечно, не как Отец-творец, из любопытства, а скорее как мать – по инстинкту. Мир этот – Турклуб Рижского Политеха. Надо вещи называть своими именами. Непростое, кстати, это дело. Слово "Турклуб" звучит по смыслу хорошо, но передает реальность кисло, а в реальности – судьбы тысяч людей. Странно, не правда ли? Сталин изменил мир и повлиял на миллионы – плохо повлиял, жутко повлиял, подонков вообще не счесть, а вот попробуйте среди своих знакомых или друзей найти кого-либо, кто на самом деле по-хорошему повлиял на судьбы тысяч? Я раньше никогда об этом не думал, общаясь с Иваном. Иван – он и есть Иван, не ангел – вот уж точно не ангел, но и дело у него было не ангельское – создавать, ангелам такое не по плечу, или, скорее, не по крылу, масштаб не тот.

Но вернемся к нашим грибам-баранам. Я позвонил Ивану еще из Тель-Авива, сказал: приезжаем в сентябре, ждите. Иван отвечает: "В сентябре? Здорово, съездим за грибами". Я страшно обрадовался, так как Иван несколько нездоров, с координацией ему сейчас нелегко, и я волновался, когда ему звонил. А за грибами – да хоть на край света!

И вот мы снова в Юрмале, как когда-то, и снова едем с Иваном за грибами. Мы сидим рядом, я украдкой смотрю на его одежду – все то же, все знакомое: штормовка неопределенного цвета, брюки, что видели разные реки и разные леса, все стиранное и с памятью прошлого, ни одной новой пуговицы. Родное все, как запах ленинградского подъезда. И лицо тоже родное, лишь глаза чуть потускнели, но ведь за шестьдесят – положено немного синеве выцветать, ничего, не викинг же в Голливуде играть, перебежусь.

Приехали на НАШЕ место. Место это, конечно, не мое, а Ивана, он его нашел уже не знаю когда, классное место, но не для слабых духом – тут и болотина, и ольшаник с орешником, и подлесок будьте-нате. Смотрю – Иван сапоги натягивает, с трудом ему это дается, пошатывает слегка. Натянул, взял, как всегда, корзину, нож туристский, буркнул через плечо "встречаемся через три часа" – и пошел. Иван так всегда себя ведет: берет здоровенную корзину и уходит. Бродит с собой да с лесом наедине, а потом возвращается – корзина у него всегда полная. Сейчас, конечно, я его не отпустил бы одного, но вижу – Андрей небольшое ведерко подготовил, явно за Иваном будет присматривать, подстраховывать.

Ивановский нож – отдельная песня. Однажды в 80-х мы были в походе в Калининградской области, на берегу моря. Начался двенадцатибалльный шторм, а дюна там крутая, метров 15 высотой – в общем, нас отрезало на сутки. Есть хотелось отчаянно. Море выбросило апельсин, луковицу, судака с белыми глазами. Съели, но как-то мало было этого. И тут Иван вынул свой тесак и настрогал золотой корень. Достали спички, костер развели, радиолу розовую зачифирили – как вспомню, до сих пор мурашки: двое суток меня колотило с этого допинга. Но больше всего мне нож ивановский запомнился, что-то в нем было первобытное...

Три часа – так три, грибов было море. Часа через два с половиной звонок, Андрей звонит: возвращайтесь, хватит, Иван подустал. Приходим к машине, Иван уже снял сапоги, смотрит сумрачно, в ведре видны грибы, но не очень много. "Ну как?" – "Да есть грибы". "Белые нашел?" – "Штук пятнадцать..." Иван достал огурцы и отварную картошку из багажника, разрезал на четыре части, раздал. В воздухе повисла тишина. Как я ненавижу тишину, когда она нежеланна! "Иван, а ты когда-нибудь находил гриб-баран, его еще зовут «счастье грибника»?" Я спросил Ивана просто так, чтобы найти тему, разорвать тишину, просто для настроения.

"Нет, – глухо ответил Иван, – не находил". "И я нет", – и опять молчание. Вдруг Иван обронил: "Я сегодня нашел гриб, который не видел ни разу в жизни. Он похож на кочан цветной капусты величиной с голову человека". "А ты его срезал?" – "Нет, я его поднял, он совсем не связан с почвой, лежит на ней как футбольный шар". "Ну и?!" – "Поднял, рассмотрел и положил на место, не знаю что это". "Иван, это похоже на гриб-баран, это может быть он", – сказал я скорее с удивлением, чем с верой в то, что говорю. Слишком уж не-

реальным было все это. Иван продолжал сосредоточенно молчать и молча же отрезал кусок огурца. Потом прошелестел: "Давай сходим, здесь недалеко". Сказал – и посмотрел на сапоги. Его слегка шатнуло. "Знаешь, не пойдем. Переобуваться надо – не пойдем!"

Ну, хорошо, не пойдем – я не верил в гриб-баран, да и самочувствие Ивана меня интересовало в миллионы раз больше любых грибов. Собрали вещи, погрузили в машину, Анд-

рей завел мотор и мы покатали назад по грунтовке. Вдруг Иван сказал: "Останови, пойдём посмотрим, здесь недалеко, можно пройти без сапог". Мы пересекли край луга и через опушку смешанного леса вошли в ельник. "Вот", – сказал Иван.

На земле, за ковром заячьей капусты, лежал геометрически правильный шар, состоявший из сотен маленьких грибочков. Солнце как раз пробилось через хвою и осветило его поверхность. Она была пегокофейного цвета, шероховатая, неожиданная. Внизу гриба оказалась небольшая кочерыжка, от которой расходились витиеватые изогнутые стебли. На них, как на дереве, росли ветки-ножки точеных маленьких грибов. Это был полный сюр.

Мы обошли поляну и нашли еще два плодовых тела, каждое, я думаю, килограмма на два минимум. Ну, даже если я и привираю, то все равно они были достойного размера. "Иван, похоже это и в самом деле гриб-баран!" Иван пожал плечами – он устал, да и не знал, что ответить. "Возьмем?" – спрашиваю я. "Да что с ним делать? Оставь его на месте. Ведь неизвестно, что это и как с ним обращаться!" И мы оставили. Я сфотографировал неизвестные грибы со всех сторон и положил на место – пусть живут.

На обратном пути о чем-то говорили – о грибах, о камнях, о рыбалке, о поездках – ведь год не виделись. Гриб-баран не всплывал в разговоре, но незримо витал где-то рядом. Иван вышел у своего подъезда, взял грибы, мы обнялись до следующей встречи. Иван, как всегда, сказал: "Ну, я пошел, долгие проводы..."

Вечером мы были в гостях у наших приятелей и я попросил пустить меня в Интернет. Вот что он выдал.

Гриб Баран. *Grifola frondosa*, Грифола курчавая
Он же: **Майтаке. Кумотакэ («Облачный гриб»), Лесная куропатка, Танцующий гриб-бабочка, гриб Баран.**

Представляет собой большой мясистый трутовик. Молодой гриб – темного серо-коричневого цвета, с возрастом цвет меняется на светло-серый (некоторые виды становятся светло-желтого цвета). Тело гриба состоит из множества частично перекрывающих друг друга шляпок диаметром 2-10 см, расположенных на разветвляющихся ножках, которые смещены в сторону от центров шляпок и крепятся к одному основанию. Молодые грибы украшены тонкими серыми волокнами (нитьями). Майтаке растут в лиственных лесах умеренных

климатических зон. Очень редко встречаются в северо-западной части Соединенных Штатов. Впервые эти грибы были встречены в Европе, северо-восточной части Японии и в Китае. Занесён в Красную книгу России, Латвии, Литвы. Считается, что такой гриб встречается лишь раз в пятьдесят лет.

По результатам исследований этот гриб применяется для снижения кровяного давления, лечения диабета, снижения уровня холестерина, лечения различных тяжелых заболеваний.

Майтаке можно запечь с креветками, миндалем и специями под сыром. Сухие грибы могут быть истолчены для приготовления тонизирующего напитка. Гриб-баран хорош в жареном виде. По вкусу – что-то среднее между шампиньонами и опятами. Помимо редкости уникальность гриба-барана заключается и в его размере. Вес гриба порой достигает десятков килограммов.”

Эта информация лишь еще больше заинтриговала, так как вроде бы все очень похоже на то, что нашел Иван, но чуть-чуть не то. Я стал смотреть дальше.

Гриб баран, спарассис курчавый, *Sparassis crispa*

“Плодовое тело диаметром 10-40 см и высотой до 20 см, кустообразное, светло-желтое, с возрастом коричневатое, состоящее из большого количества разветвленных плоских веточек или лопастей с зубчатыми краями. Веточки отходят от погруженной в землю короткой и толстой темного цвета ножки. Мякоть белая, плотная, с приятным запахом.”

Так что же мы нашли? Грифолу зонтичную или Спарассис? Или не то и не другое? И кто из них гриб-баран? Дальше – больше.

Грибом-бараном называют как минимум три вида грибов, между собой не очень-то похожих. Родственная грифола зонтичная (*Grifola umbelata*), произрастающая примерно в тех же условиях и с той же частотой, представляет собой сросток мелких кожистых шляпок относительно круглой формы. Спарассис курчавый (*Sparassis crispa*), или так называемая грибная капуста, представляет собой шар, состоящий из желтовато-бежевых ажурных "лопастей", и растет на остатках хвойных деревьев. В один год грибом-бараном служила зонтичная грифола, в другой – спарассис курчавый. Своеобразный ореховый вкус – на любителя. Некоторые рекомендуют гриб-баран тушеным в сметане, маринованный он так себе. Старая литература бараном предпочитает именовать курчавый (или кудрявый) спарассис. В новой литературе гриб-баран – это грифола курчавая. В общем, каждому свой гриб баран, но в любом случае человек сталкивается за жизнь лишь с двумя или тремя претендентами на эту роль.

Я позвонил тем же вечером Ивану. "Иван, я не уверен до конца, но очень может быть, что ты действительно нашел гриб-баран или что-то очень близкое. Помимо того, что он очень редок, в Интернете описаны разные положительные медицинские свойства этого гриба. Может, сумеешь съездить за ним еще, попроси кого-нибудь!" "Хорошо, я подумаю," – сказал Иван. "Ну и отлично, я завтра еще раз позвоню, перед нашим отъездом в Питер".

Назавтра мы встречались с одноклассниками в кафе у собора Святого Петра. Место это для любого рижанина очень харизматичное. В Риге есть два основных собора: Домский и Святого Петра. Домский по определению был главным собором Ливонского ордена, собор же Святого Петра с неизменным петухом на шпилье принадлежал городскому магистрату. Орден и город веками пребывали в состоянии антагонизма. Соревновались и соборы – кто из них выше, кто красивее. Я помню собор Святого Петра еще безголовым, послевоенным. Шпиль был разрушен прямым попаданием бомбы в начале войны и к шестидесятым сохранял вид грандиозной руины. Весь его облик излучал романтику "Кортика" и "Бронзовой

птицы". А рядом стояла церковь Святого Иоанна, с двумя добровольно замурованными в XIII веке монахами. Серые маски их лиц до сих пор отлично видны на ее кирпичных стенах.

Погода была совершенно летняя, мы болтали о разных жизненных коллизиях, окунаясь иногда в светлые глубины общей юности. Кто, где, с кем, когда – обычные вопросы. Кто где жил, где живет сейчас, что делает и, наконец, как называются теперь до боли знакомые места детства. И тут выяснилось, что в музее Природы открылась ежегодная выставка грибов. Я вспомнил о вчерашней находке и понял, что без этой выставки из Риги не уеду.

Музей этот имеет для меня совершенно особую ауру. Там в начале шестидесятых собирался городской геологический кружок. Вел его волшебник – Виталий Семенович Сорокин. От него исходило такое тепло,

что даже могучая аура камня не могла соперничать с его доброй энергией. Я помню, как поднимался на второй этаж, как начинало покалывать в кончиках пальцев от предвкушения встречи с камнями, как вытаскивали из задней комнаты здоровенный ящик с образцами, помню его запах и цвет, помню, как все мы, чокнутые на камнях пацаны, рассаживались за длинным, метров пять в длину, столом, помню ожидание самого любимого и неповторимого трюка. Кто-то брал из ящика камень и перекидывал его с одного конца стола на другой. Камень летел недолго – секунды три-четыре, но за эти мгновения надо было определить, что это за минерал. Это такое чувство – сказочное! Вот никто не может определить – а я могу. Не знаю, как могу, как это получается – по чувству, по молниеносным ассоциациям, интуитивно, звериным чутьем – но могу! Бр-р-р – даже сейчас вспоминать трудно, слишком все это было острым и настоящим.

Мы поднялись на второй этаж музея. Кружок когда-то располагался направо, а выставка грибов всегда проходила с левой стороны.

*Порядок вечен, порядок свят.
Те, что справа, стоят, стоят.
Но те, что идут, всегда должны
Держаться левой стороны...*

Зал выставки был переполнен людьми всех поколений. Беспрерывно подносились новые грибы, работали эксперты, кто-то фотографировал, кто-то записывал. Это было замечательно. Я попросил позвать специалиста-миколога. Вышла симпатичная молодая женщина. "Можно ли определить гриб?" – спросил я. "Попробую", – ответила она немного смутившись. Достали мой ноутбук, и вся серия фотографий ивановского гриба появилась на экране. Девушка колебалась лишь секунду: "Это гриб-баран, где вы его нашли? Это вторая находка в Латвии в этом году, вы его пробовали?" Значит все-таки гриб-баран?! "Да, конечно, это он". "Нет, мы не пробовали, мы побоялись сорвать, боялись повредить что-нибудь". – "Ну что вы, надо было срезать, главное – сохранить биотоп". "Биотоп?" – "Ну да, биотоп, среду обитания. В Латвии биотопов гриба-барана совсем мало, не зря он в Красной Книге. А там, где грибы зафиксированы, плодовые тела могут появиться лишь раз в 20 лет". Неужели действительно бывает интервал в двадцать лет? "Ну, не двадцать, иногда и каждый год можно встретить, но говорят, что и по пятьдесят лет перерывы бывают".

Я перекинул ей на диск свои фотографии. "Скажите, Вы давно работаете в музее?" "Да уже лет десять". "Вы случайно не знаете, в соседнем зале еще существует геологический кружок?" "Я не знаю, вроде что-то есть, но вы спросите в отделе геологии".

"Ну, что же, спасибо. Значит, это действительно гриб-баран?" "Конечно, – улыбнулась она, – вам необыкновенно повезло".

Конечно, она права – повезло, еще как повезло, что встретил я в своей жизни Ивана. А что касается гриба – может быть, повезло, а может, случилось маленькое обыкновенное чудо. Кто знает...

Я зашел в зал напротив, в отдел геологии и спросил, существует ли еще геологический кружок. Хранительница ответила, что кружок существует, но собирается редко и, кажется, не в музее. "А Вы не знаете, что случилось с кружком Сорокина, где коллекции, где ящик с образцами, где длинный стол?" – "Да, я что-то слышала про этот кружок, какие-то легенды, но это было так давно... А коллекции – ну, что Вы хотите, не то что стола и ящика – комнаты той не осталось".

Я осмотрелся по сторонам – действительно, там, где была когда-то заветная дверь в стене, теперь стояли стеллажи с камнями. Неужели все ушло? И вдруг я увидел, что в них лежат агаты – та самая коллекция шестидесятых, те самые камни, неизменные, неповторимые, невероятно красивые. Немного отлегло от сердца, я вернулся к друзьям и мы вышли из музея.

Ивану я позвонил уже из Ленинграда – или, как теперь его называют, из Санкт-Петербурга. Рассказал про встречу в музее, про то, что нашел он редчайший гриб и что надо было его забрать и попробовать.

Иван на следующий день поехал снова на это место. Они с Андреем нашли гриб, он был уже не так свеж и хорош собою, но все-таки смотрелся впечатляюще. Иван его засушил, говорит, что вкуса в нем нет. Ну, нет так нет – разве в нем дело...

